

Роман Кушнер

Ночные витязи

От автора: Почти все имена, фамилии и ряд фактов, указанные в романе, подлинные, взятые из воспоминаний очевидцев и участников событий.

Как с последним глотком воздуха, всё грезится мне — чума бубонная в очередное тысячелетие поднимает на погребальные костры равнодушную, уступчивую и страшную Европу. То возгорелся гнев Господень на рабов Своих...

Часть 1 Остров плача

*Местечко Романов месяц ияр 5680 год по еврейскому летоисчислению
(май 1920 год)*

Покойный граф из старинного рода Ильинских когда-то сам выбирал место для своего второго имения. Пустынный островок посреди неглубокой речушки поразил его воображение. Живописный, заросший буйной зеленью крутой берег и пологий, с ярко-жёлтой кромкой чистейшего речного песка натолкнули графа на

необычную мысль. Сомневался недолго, пригласил известного итальянского архитектора и заручился его согласием. Прошли два столетия и это небольшое, хорошо сохранившееся здание, в окружении старинного парка, всё ещё продолжало удивлять местных жителей своим ненавязчивым величием. Благодаря необычности архитектуры имение больше напоминало миниатюрный замок, чем современную постройку конца XVIII века. Устремленные вверх небольшие сторожевые башенки венчали все четыре угла здания, а в их узких бойницах, казалось, навечно застыли закованные в латы средневековые рыцари. Последняя потомственная графиня давно отбыла куда-то в Европу, доверив хозяйство своему управляющему. Старевшему вместе с домом, пану Левинскому уже было не по годам таскаться через речную протоку и он всё чаще доверял свои необременительные обязанности родному племяннику Стасику, парню пятнадцати лет от роду. Времена наступили беспокойные и его мать, от греха подальше, согласилась с предложением старшего брата и убедила сына временно переселиться в имение, в комнату управляющего. В местечке Романов, где на самой окраине проживали их обе семьи, давно ходили слухи о разных разбойничьих нападениях на окрестные хутора, проезжих людей, а то и небольшие сёла. До

Гражданской войны никто и слыхом не слыхивал про «красных» или «зелёных», а тут ещё и «петлюровцы» какие-то объявились и все воевали друг с другом. Еврейское большинство местечка, не без основания, забеспокоилось и в тревоге выжидало, «питаясь» различными слухами. А были они плохими, можно сказать, совсем никудышными, всё чаще доносились известия о погромах и убийствах. В центре местечка стояла красивая синагога и люди чаще, чем обычно стали ходить туда и молиться, чтобы Всевышний отвёл от них беду. Но, как говорится, до Бога высоко... В один из хмурых осенних дней «освободители», так называли себя бандиты атамана Петлюры, заняли Романов. В первый день они досыта наслаждались стекающей к ним «контрибуцией» в виде золотых и серебряных украшений, добротной одежды и обуви и насиловали молоденьких евреек. Всю ночь в селе раздавались пьяные выкрики, выстрелы, плачь и визг несчастных жертв. К обеду, ещё не протрезвевшего главаря шайки, Петра Козыря-Зырку, еле добудился его подручный Никита:

— Пётр, а Пётр, тут до тебя польский «воевода» от соседей прибыл. Ругается, зачем, спрашивает, без его ведома жида убили, сапожника Наумку? Говорит, что покойник такие сапоги тачал, что местные паны в очередь стояли.

— Кто такой? — Степан потянулся к ковшу.

Жид что ли?

— Да нет, дурило, кто пан есть такой?

— Ты что, забыл? Точинский из Желябино.

Он же нам четыре упряжки с конями «реквизировал», людей своих дал.

— Ладно, сейчас выйду, нехай ждёт, — Козырь громко икнул, — и этого... кассира Тыкву позови.

Допив рассол, пробурчал под нос:

— Вечно на рожон лезет, кобелюка, внучка ему рябенькая, видишь ли, понравилась, думал, старый пердун обделается со страху. Хорошо, ножом своим сапожным руку только и успел пропороть.

Через пол часа, наконец дождались полупьяного виновника. Разъярённый «воевода» едва удержался, чтобы не отвесить оплеуху очумевшему от дармового самогона Тыкве:

— Что же ты, гад, такой-сякой! Зачем Наумку убил? Тебе же добрые люди говорили, не тронь, таких сапожников по всей Украине, а може и по всей Польше не сыскать. Где теперь сапоги шить будем?!

— Мерин долговязый! — взъярился и сам Пётр, мечтавший поскорее закончить это дурацкое дело и наконец опохмелиться по-человечески. Голова у него раскалывалась и уже пробивал

холодный пот, — Ну чего молчишь?! Ответь воеводе и дело с концом.

Вконец обалдевший не столько от криков и упрёков, сколько от невероятной сухости во всём «организме», Тыква виновато-удивлённо развел руками и безнадёжно, с натугой выдавил из себя:

— Тык... это, как его... ведь... жид же!

Плюнув со злости, «воевода» пошёл прочь.

А на третий день дождались местные евреи и «Судного дня». Прискакала с утра разведка с известием — то ли «красные», то ли анархисты в двадцати верстах, сюда направляются. Хоть и торопились хлопчики унести ноги, да делать нечего, «долг» обязывал «отблагодарить» местных евреев, хорошенько внушить им, что своей «мессии» ждать им на этом свете вовсе не обязательно. Похватали с десятков молодых еврейских парней, скрутили им руки проволокою и повели к реке. Тут уж закричали всем миром, от материнских воплей в ушах позакладывало. Часть бандитов выстрелами отгоняла рвущихся к своим чадам обезумевших родителей, другая погнала их через протоку к острову. Догадывались остальные жители местечка, что затевается нехорошее, да боялись признаться самим себе.

Стиснутый со всех трёх сторон, Стасик стоял в крайней башенке и с тревогой прислушивался к доносившемуся из-за реки крикам и выстрелам. Третий день стоял такой шум, не умолкая ни днём ни ночью. Ему было очень страшно находиться здесь одному, но послушаться мать не смел, уж очень она его умоляла никуда отсюда не отлучаться. А вот сейчас целая толпа направилась к песчаному берегу и мальчик не знал что ему делать: то ли здесь затаиться, то ли спрятаться где-нибудь в парке? Сверху хорошо проглядывалась речная протока. Большинство идущих перешло её вброд и растянулось вдоль дубовой аллеи, когда-то высаженной ещё при молодом графе. Теперь он с испугом разглядел, как вооружённые незнакомые люди толкали впереди себя избитых в кровь сельских парней, а затем по очереди привязывали их спинами к старым деревьям. Стасик узнал их всех — ребята были с его местечка, однако, он и предположить не мог свидетелем чего сейчас станет. Только, когда юношей начали торопливо обкладывать хворостом, мальчик со страхом начал догадываться, что сейчас может произойти. Его забила сильная дрожь, а ноги сделались соломенными. Если бы не это, он убежал бы куда

глаза глядят. Тогда Стасик начал убеждать себя, что видит всё это в страшном сне и громко зашептал:

— Матка Бозка, Матка Бозка, защити их!

В расширенных от ужаса зрачках уже весело плясали огненно-красные блики от множества полыхающих костров, а уши пронзали дикие, невысказанные вопли сгорающих заживо людей.

На сороковой день ближе к сумеркам в село прибежали напуганные ребята, рыбачившие в заводи чуть выше по течению. С дрожью в голосе, они рассказывали встревоженным родителям, как слышали со стороны острова жуткий многоголосый вой и стенания. Многие были убеждены и при этом божились, что так могут плакать только души невинно убиенных.

Часть 2 «Трубные сплавы»

1978 год. Раннее осеннее утро. Из подъезда шестиэтажного московского дома вышел пожилой коренастый мужчина в долгополом сером плаще. Накрапывал мелкий дождь, а он не торопился прикрыть голову шляпой. Очевидно, не замечал, как морось постепенно покрывает его тёмные с частой проседью волосы, высокий открытый лоб, каплями оседая на широких, тщательно подбритых усах. Задумчивое смугловатое лицо, опущенный взгляд печальных выразительных глаз, неспешная

походка, делали его ничем не примечательным среди утренней редкой толпы. Лишь подходя к станции метро, он прибавил шаг и стряхнул с себя влагу. Надев головной убор, сунул руку в нагрудный карман пиджака, ещё раз убедившись в наличии свежего носового платка, с вечера вложенного заботливой женской рукой. Часть пассажиров немедля принялась подрёмывать в вагоне, другая зашуршала утренними газетами. Уткнулся в «Известия» и человек в плаще. Поездка до центра отнимала не менее часа времени и он, казалось, неторопливо просматривал колонки новостей. Въевшаяся с годами нелегальной работы манера тщательно обдумывать предстоящие замыслы в первую же свободную минуту, проявлялась и теперь. Впрочем, особые планы не намечались. Прошлая работа референта в ГРУ, так и нынешняя в качестве переводчика в ТАСС, да и преподавательская деятельность, требовали всего лишь пунктуально выполнять порученные задания.

Случайно наткнувшись взглядом на заметку о повышении благосостояния советского народа, Янкель Пинхусович мысленно испустил вздох. Персональная 150 «ре», у Тамары 60... С чего богатеть? Интересно, почему всегда высчитывали за бездетность? Неужто мою криптоспермию не принимали во внимание? Лёгкая улыбка тронула губы, но тут же исчезла при виде заголосившего по

соседству малыша. Припомнился детский испуг шестилетнего ребёнка, когда погромы обрушились на его Черновцы. Обидно, от родителей не осталось ни одной фотографии, лишь запечатлённые в детской памяти обугленный остов отцовской лавки, да всхлипы соседей, таких же румынских и чешских евреев.

Ну да, мне везло с самого начала, думал Янкель Пинхусович. Школьные педагоги сиротского приюта долго удивлялись моим лингвистическим способностям, так это больше от природы. Припомнился выпускной класс в Кошице, когда без испытания все трое преподавателей иностранных языков дружно проставили положительные оценки. Мне и дальше фартило весьма своеобразно, как говорится, нет худа без добра. Разве не услужил мне сотрудник приёмной комиссии, когда при поступлении в Политехнический университет Бухареста дал понять, что, Yang fiul Pinkhus (Ян сын Пинхуса) «не вышел профилем»? А жаль, что не мог физически доказать этому грузному господину, что и среди евреев встречаются мастера рукопашного боя. Уголки рта чуть растянулись. То-то школьный наставник по джиу-джитсу возмутился бы, твердивший нам о главном добродетеле самурая, как справедливость. Юдофоб оставил мне единственный выход, поскорее перебраться в Прагу

и приложить все старания для поступления в Высшее технологическое училище.

Но надо быть объективным, каким бы ни был Франц Иосиф, он оказался добрым монархом, ведь именно при его жизни евреям открылся доступ в средние школы. Ещё отчётливо запомнился сентябрьский день 1927 года, когда в аудиториях студенты старших курсов и молодые преподаватели вполголоса обсуждали выступление президента Гинденбурга, прилюдно отвегшего вину Германии за развязывание Первой мировой войны. Нарушение Версальского договора, как он понял из разговоров, могло грозить всей Европе новой войной. И жизнь уже многим не казалась такой благополучной.

Янкель Пинхусович машинально переворачивал страницы. После получения диплома экономический кризис лишил меня работы на электротехническом заводе, вследствие чего был вынужден перебраться в Берлин для продолжения образования. Так уж сложилось, что именно там, в стране Шиллера и Гете, встреча с новыми людьми в стенах политехнического колледжа раз и навсегда определила мою судьбу...

Стояло позднее лето 1930 года, когда Янкель, уже будучи убежденным антифашистом, вступил в ряды Коммунистической партии Германии.

Шли последние занятия, учёба завершалась. Перед скорым убытием на родину он отыскал друга и обратился с важной для него просьбой:

— Эдгар, мне необходима связь с румынскими коммунистами, я знаю, ты можешь помочь мне.

— Не спеши, Янкель, давай сделаем так, я сведу тебя с проверенным товарищем, его зовут Отто Брайг. Он организует тебе встречу с одним человеком из Советского Союза. Мы с тобой оба знаем, наши силы ещё недостаточны для борьбы с фашистами, а вот его страна способна на большее и она непременно поддержит нас.

Он на мгновение прикрыл глаза. В памяти всплыл солнечный августовский день. Последний семинар, ввиду назначенной встречи, он пропустил. Подойдя к газетному киоску у Шарлоттенбургских ворот, попросил свежий номер газеты нацистской партии. Расплатившись, отошёл от ларька, как услышал за спиной обращённый к нему голос. Обернулся, рядом стоял незнакомый улыбчивый господин в элегантном сером костюме со шляпой в руке и такой же газетой «Der Angriff», торчавшей

из правого кармана пиджака. Назвавшись страховым агентом компании Demag, человек извинился, приглашающе кивнул на ближайшее от них кафе и попросил уделить ему немного времени. Была вторая половины дня и у проголодавшегося студента это не вызвало возражения. Незнакомец заказал обоим по порции шварцвальдского торта и по чашке чёрного кофе. Янкелю нравился этот торт со взбитыми сливками и вишней, и он иногда, в зависимости от содержимого кошелька, позволял себе пригласить сокурсницу на «кофе с пирожными». Наивный вопрос — откуда известно о его юношеском пристрастии, так и остался невысказанным. Не убирая улыбки с лица, между неторопливыми глотками господин принялся говорить об очень серьёзных вещах. Опасения стали рассеиваться, когда тот всё также тихой скороговоркой поведал ему его же собственную биографию, привёл несколько имён значимых товарищей, в том числе и рекомендатора, о его приверженности марксистско-ленинским идеям. Только тогда Янкель окончательно доверился ему. Они разошлись.

Следующая встреча заняла достаточно времени, чтобы в полном объёме уяснить его будущую задачу по содействию в борьбе с фашизмом. Неторопливо прохаживаясь по мозаичным плитам Народного парка Фридрихсхайн

и с интересом разглядывая искрящиеся в брызгах фонтанов белокаменные фигурки персонажей сказок братьев Гримм, Матиас, так представился ему сотрудник Разведывательного управления РККА, подробно и терпеливо объяснял предстоящее задание, а также особенности агентурной работы. То что молодой человек без соответствующего опыта сходу запомнил и воспроизвёл без запинки десятки комбинаций цифр, адреса явок и меняющиеся по дням пароли для встреч, породило у Матиаса чувство глубокого удовлетворения. Зато чёткий пересказ на французском, затем на испанском подробное содержания передовицы румынской газеты «Транснистрия», которую он со скрытой смешинкой протянул Янкелю, вызвало у многоопытного разведчика некое подобие ошеломленности. Он сдержанно покрутил головой и мысленно поздравил себя за великолепную, многообещающую вербовку полиглотствующего горбоносенького «эйнштейна».

20 декабря 1930 года, когда в немецких окнах на адвентских еловых венках уже во всю сияли рождественские свечи, с Мюнхенского вокзала отходил Восточный экспресс по маршруту Вена — Будапешт — Бухарест. Удобно расположившись в мягком колыхающемся кресле, Янкель выложил на столик початую пачку дешёвого «Барабанщика».

Затянувшись сигаретным дымом, слегка поперхнулся. Необходимую сумму он получил, но тратиться на дорогой «Dunhill» пока не пристало, деньги следует беречь на насущные дела. Разведчик его достаточно проинструктировал, но проглядел главное. Достигнув упорным трудом «полтора образования», двадцатилетний юноша возымел не только необходимую практику усвоения сложного материала, но и приучился анализировать информацию любой важности и своевременно извлекать надлежащие выводы. Потому неукоснительное требование никогда не нарушать конспирации, на которое Матиас делал особый упор, не вызывало сомнения.

Он затушил последнюю сигарету. Станцию Сибин поезд прошёл без остановки. Янкель аккуратно выбросил окурки в урну, проветрил купе и сполоснув над раковиной руки горячей водой, откинулся в кресле. Но сон долго не шёл.

«Гара де Норд» встретил такой же рождественской суетой. В зале прибытия, украшенном сверкающими гирляндами, витала праздничная атмосфера. Пройдя паспортный контроль и таможенный досмотр, немецкий студент Томас Рихтер, желающий посвятить рождественские каникулы осмотру памятных мест румынской столицы, отправился в город.

Янкель неторопливо брёл по центральным улицам, как и положено дотошному немецкому туристу, время от времени запечатляя на Leica I достопримечательности города. Во второй половине дня по пути зашёл в маленький gaststätte (кухмистерская) с четырьмя столиками. Заказав чашечку горячего шоколада, прошёл в туалет. Здесь вместе с обрывками «Ein Pass» в фаянсовом жерле бесследно исчез подданный Веймарской республики, уступив место гражданину Румынии Йонуцу Кришан.

Потрёпанные наручные часы «Elysee» показывали 16.15, когда добравшись до Собора Святой Параскевы, он свернул во вторую улочку по правую руку. Неспешно прошёл мимо небольшого одноэтажного кирпичного дома, мельком бросив взгляд на фасад. В крайнем узком оконце на улицу безлико уставилась раскрашенная фарфоровая кошечка. Дойдя до ближайшего угла, лениво повернул назад и через полуоткрытую калитку вошёл в тенистый двор, укрытый старым развесистым платаном. Постучал в дверь. Почтительно выслушав гостя, женщина молча провела его в торцевую комнату с окном на соседнюю улицу. Так зачинался жизненный путь молодого, малоискушенного человека, без воинского звания, без соответствующего опыта, а ныне, ещё и неоперившегося резидента ГРУ

генерального штаба Красной армии Яна Черняк, сына Пинхуса.

На следующее утро Йонуцу Кришан, жаждущий учиться на биологическом факультете Бухарестского университета, зарегистрировался в магистрате. Но это оказалось только частью плана, потому как плату за обучение никто не отменял. Легализоваться в качестве студента стало весьма проблематичным, деньги по известному каналу не пришли. Надеюсь, что ближайшее время финансовый вопрос в Центре всё же решат, Янкель занял недостающую часть суммы у квартирной хозяйки и у нескольких благополучного вида студентов. На хлеб, овощи едва хватало, но на этом всё и закончилось, вскоре хилый денежный ручеёк окончательно иссяк и он по уши влез в долги. Вот здесь-то и пригодился жизненный опыт, приобретённый в сиротском доме. Янкель напрямик отправился на выпускные курсы и переговорив с несколькими студентами, занялся срочными переводами с немецкого и французского языков. На еду теперь хватало, но и это был не выход, требовался более существенный источник дохода. Устроится же на полный рабочий день, на который ушло бы драгоценное время, означало свёртывание всей операции.

Настало воскресное утро, настроение было отвратительное, когда он забрёл в небольшой

скверик по соседству с Национальным музеем Брукенталя. На нескольких скамейках островками среди цветочных клумб парами разместились тихие любители шахмат. Скупые на слова мужчины среднего и старшего возраста сосредоточенно предавались гимнастике ума, лишь изредка позволяя себе короткие восклицания.

Wer sucht, der findet! (Всякий ищущий находит!) Как же он не подумал об этом?! Янкель даже разозлился на самого себя, ведь он ещё со школьной скамьи показывал неплохие результаты. Теперь следовало не торопиться, а получше приглядеться, как к игрокам, так и к немногочисленным зрителям. Выбирать не пришлось, сразу же среди последних привлекла внимание зажиточная супружеская парочка с роскошной детской коляской. Пока полный на вид молодой мужчина с шахматной доской подмышкой, постоянно покачиваясь, таранился на фигуры, жена хлопотала над плачущим ребёнком:

— Логан, ты можешь на минуту оторваться?! Вся коляска промокла! — возмущённо ворча, она покатила её к ближайшему дереву.

Это не англичане, она сказала «baby carriage», мелькнула спасительная мысль:

— Мистер, вы не могли бы составить мне компанию?

Он учтиво обратился к толстяку на приличном тexasском диалекте, усвоенном в последнем классе от преподавателя, выходца из южной Калифорнии.

— Dammit!(О, черт!) Ну конечно! — искривлённые ушные раковины Логана радостно колыхнулись. Он решительно вытащил доску, выгреб фигуры и разложил её на свободном краю скамьи.

Первая партия завершилась буквально за пару минут в пользу американца. Погрызывая ноготь большого пальца, тот с ликующим видом запер в угол короля чёрных. Янкелю было важно втянуть этого идиота в дальнейшую игру. После очередного поражения, он предложил ему сыграть «под интерес» и вытащил из нагрудного кармана купюру в пятьсот леев, припрятанные на катастрофический случай. Последующие несколько партий принесли Янкелю богатый сбор весом в полторы тысячи леев и кабы не вопящая от возмущения супруга, жатва достигла бы рекордного «урожая».

На следующий день, отложив большую часть денег за оплату учёбы, он рассчитался со всеми кредиторами. На удивлённый вопрос хозяйки о таком скором расчёте, Янкель с загадочным выражением лица повторил всю ту же известную поговорку, разве что на латыни. О том, что всякий ищущий находит: *Omnis qui quaerit invenit!*

Только через месяц курьер вручил ему денежное содержание, но радости оно не прибавило. Ещё неоперившийся агент хорошо усвоил свой первый урок и больше не питал иллюзий. В трудные минуты, когда требовалось обновить гардероб или сводить полезного приятеля в кафе, Янкель всеми доступными способами, типа перепродажи, заранее разживался деньгами.

Вскоре, как изначально и предполагалось, девятнадцатилетнего юношу, сына гончара из Хорезу, в январе 1931 призвали в армию. Впрочем, Янкель быстро пришёл к выводу, звание рядовой абсолютно неприемлемо для выполнения поставленной перед ним задачи.

Подготовившись накануне, он вошёл в двухэтажное здание призывного пункта, полнившееся в это серое утро такими же тусклыми на вид новобранцами, Янкель какое-то время наблюдал за фрунтасами, шмыгавшими из кабинета в кабинет с озабоченными лицами. Он сразу обратил внимание на одного из них, который дважды с независимым видом прошествовал мимо него, пренебрежительно окидывая взглядом толпившихся рекрутов. Цель определилась. Дождавшись очередного прохождения, Янкель приблизился к старшему солдату и угодливым тоном попросил разрешения безотлагательно выслушать его. Тот важно кивнул и пройдя в конец

коридора, открыл узкую обшарпанную дверь. Посчитав это за приглашение, учтивый призывник шагнул следом.

Дабы не заострять ненужных подозрений, Янкель вытащил из-за пазухи большую коробку дорогих шоколадных конфет, приложил к ней свёрнутую пополам купюру в пятьдесят лей и протянул с заискивающим видом. Встретив вопрошающий взгляд, попросил по возможности определить его в школу сержантов, в надежде, что по окончании её, приобретёт настоящую воинскую профессию, о которой мечтает его отец. Молча сунув подношение в приоткрытый ящик стола, фронтас благосклонно кивнул.

В канцелярии кавалерийского полка рошиорей старший служащий штабного эскадрона обратил внимание на грамотного и смышлёного сержанта. После соответствующего оформления приказом по части новоявленного писаря направили в отдел штабных документов для составления и переписки бумаг.

Прошла неделя, другая, Янкель исправно трудился, делал выписки из приказов, переписывал начисто инструкции. Жил при штабе в отдельной казарме для делопроизводителей. Часто посещать съёмное жильё пока не было оперативной необходимости. Общался в пределах дозволенного с такими же писарями соответствующего ранга. В

город выходил редко, дабы приобрести престижные сигареты «Dunhill» на выдававшееся ему денежное довольствие. Иногда по приглашению сослуживцев посещал кинематограф или театральное представление. Между тем переступать порог публичного дома, несмотря на уговоры и собственное тайное влечение, отказывался.

И этому были веские причины. При посещении общественных мест он неоднократно становился очевидцем проверки документов и задержания отдельных лиц военными патрулями. И юноша сделал первый важный для себя вывод, чем может закончиться для него при малейшем сомнении встреча с контрразведкой, тем более с его-то внешностью. В будущем никаких борделей, а спектакли и иллюзии только в составе группы! Во избежания последствий существует один путь, не привлекать к себе внимания и любыми способами добиваться малозаметности! Так рассуждал начинающий разведчик.

В начале февраля наконец представился случай отличиться, к нему он готовился заблаговременно. В общей комнате, в которой за столами трудились четверо писцов, находилась старенькая, изработанная пишущая машинка «Remington» и старший писарь с благосклонностью отнёсся к здоровому интересу подчинённого. Ежедневно в конце рабочего дня Янкель уделял

время для освоения совершенно ему незнакомому прежде печатанию на машинке. Через полторы недели он уже с лёгкостью и без огрехов исполнил на пробу первый документ на восьми листах: «Положение о вещевом снабжении, порядок и норма вещевого снабжения в военное время». Фельдфебель оказался очень доволен, ведь это высвободило у него часть времени.

Накануне Дня святого Валентина приказом по полку Янкелю был присвоен очередной чин плутоньера. После обеда начальник препроводил нового взводного в отдельную комнату, где на столе у окна стояла новенькая машинка «Continental» немецкой фирмы «Вандер Веркх» и поручил до конца рабочего дня отпечатать в двух экземплярах поступивший приказ из штаба дивизии, а затем под расписку немедленно сдать в секретную часть оригинал, обе копии и копируку.

Чрезвычайная важность документа заставила Янкеля пойти на определённый риск. Он быстро заправил под резиновый валик первые три листа бумаги, вручную перевёл каретку в крайнее правое положение и приступил к работе. В подлиннике шла речь о подготовке к переформированию кавалерийских дивизий, о негодности бронетанкового парка, основу которого составляли французские танки Рено FT-17, крайне изношенные и уже не поддающиеся ремонту, о предстоящих

закупках кавалерией разведывательного танка чехословацкого производства R-1. Далее особо отмечался порядок скрытого отмотилизования войсковых частей, сбора лошадей и обоза, и комплектования конским составом кавалерийских дивизий, а также мобилизационная потребность данного полка по подразделениям и порядок ее покрытия.

Он закончил раньше назначенного времени. Подлинник, дубликаты в количестве 28 экземпляров и копировальная бумага аккуратно сложены в папку, но Янкеля продолжало что-то смущать. Вызывали сомнения не четырнадцать копий, что он сунул себе под нижнее бельё, а сам способ доставки по назначению. Так пока и не открыв для себя иной, направился в секретный отдел.

Выйдя за проходную, Янкель направился обычной дорогой в сторону ближайшего табачного киоска. Расплатившись за сигареты, чуть задумался и вошёл в соседнее кафе-кондитерскую. Присев на освободившееся место, заказал чашку крепкого чая и пару шоколадных конфет. Вскоре подозвал кельнера и попросил принести большую коробку такого же понравившегося ему шоколада. Перед уходом прошёл в мужскую комнату. Заперев за собой дверь, с лихорадочной поспешностью принялся засовывать копии под конфеты, после

чего придал презенту прежний вид. Выйдя из кафе, двинулся в сторону своего жилья.

Янкель уже подходил к собору, когда заметил впереди себя знакомую пожилую пару обитающую в соседнем доме. Он собрался поздороваться, прежде чем обойти их, как неожиданно увидел группу патрульных во главе с капралом жандармерии, появившихся со стороны его улицы. Сердце сжалось, с примкнутыми штыками они вели молодого человека в такой же, как и у него, красноватой форме рошиорей. Один из солдат нёс в руке брезентовый ремень, в другой немецкий противогаз в такой же брезентовой сумке.

Шедший сбоку жандарм уже пристально вглядывался в идущего навстречу сержанта. Янкель внезапно принял решение. Он учтиво поздоровался с соседями и в ответ на приветствие, протянул даме коробку со словами, считает ли она достойным преподнести шоколад на день рождения знакомой девушке? Женщина с улыбкой принялась разглядывать подарок, перевязанный розовой ленточкой, поднесла к носу и благосклонно кивнула, добавив с долей назидания в голосе, что юноше следовало бы непременно приложить к подарку хотя бы букет осенних астр.

Патруль приближался, прерывать разговор и речи быть не могло. Продолжая идти рядом, Янкель в растерянности пожал плечами, взглянул на часы и

сказал, что время назначено, именинница уже ожидает у его квартирной хозяйки.

Лицо жандарма немного смягчилось, он удостоверился, что плутоньер наверняка приходится им родственником или близким знакомым и счёл нужным не беспокоить эту троицу излишними подозрениями. Небрежно ответив на приветствие младшего по чину, капрал продефилировал дальше.

Постоялец вошёл в дом с таким напряжённым выражением лица, что квартирная хозяйка не решилась что-либо выпрашивать. Она только сочувственно коснулась вздрагивающей руки юноши, протянувшую ей коробку и передала стоящей за спиной девушке.

Шёл второй час ночи, а Янкель продолжал сидеть за столом и чертить на листе газеты лишь ему понятные странные закорючки. Из всего что с ним произошло сегодня, необходимо было срочно сделать определённые выводы. Если листов в будущем наберётся намного больше? А копии схем и т. п.? Нести при себе большой объём информации чреват провалом. В случае угрозы быстро не избавиться, военный патруль волен в любом месте остановить и обыскать... Стоп! Ну конечно, как он сразу не догадался? Материалы доставит не он, а обычный посыльный, мальчишка из любой крупной кондитерской. В коробке с тортом! Надо только

вернуться из туалетной комнаты и сказать, что передумал, заплатить за доставку по адресу и непременно приложить цветы. Женщина трижды права, в день рождения и без букета?! Впрочем, и в таком способе присутствует риск... Голова непроизвольно склонилась на стол.

Последующие месяцы работы на «Continental» настолько прибавилось, что весь материал, отпечатанный за день, выносить на себе не было никакой возможности. Приходилось дополнительно полагаться на свою память. Последние наиболее важные десять страниц текста он оставлял к концу работы. Прежде чем направиться в секретную часть, дожидался, когда комната опустеет и напряжённо вчитывался в каждый лист. Затем на некоторое время после очередной страницы закрывал глаза и для уверенности воссоздавал в памяти прочитанное.

Однажды в конце рабочего дня в комнату вошёл штабной офицер в звании локотенент. Выдворив оставшихся писарей, он выложил перед Янкелем большой лист кальки с выделенной территорией Бессарабии и начертанной на ней схемой и порядком передислоцирования румынских частей, исполненной цветными карандашами. В левом углу стоял гриф «Совершенно секретно». Затем приобщиł несколько рукописных листов и приказал срочно

отпечатать их в единственном экземпляре, используя при этом цифровые знаки, обозначенные вдоль всей восточной границы вплоть до Chişinău. Перед уходом предупредил, чтобы комнату не покидал, у дверей часовой и он явится самолично. О выносе копий не могло идти и речи, его обязательно проверят. Это были самые напряжённые полтора часа работы за всё его пребывание здесь. Печатать быстро, без ошибок, дополняя текст цифровыми отметками, одновременно запоминая поэтапно всю схему, требовали невероятного напряжения сил.

На квартиру брёл в сумерках. Тело неприятно холодило взмокшее от пота нижнее бельё. По улицам неторопливо прогуливались прохожие и на спешащего сержанта могли бы обратить внимание. Едва отперев ключом дверь, метнулся в свою комнату, схватил с этажерки бумагу, отбросил скатерть и положив лист на гладкую столешницу, принялся лихорадочно вычерчивать всё, что удерживал до этого в голове. После чего проверил, пересчитал. Ровно семь десятков не совсем понятных ему знаков, пометок и аббревиатура слов на немецком и румынском языках. Недовольно прищелкнул, но это был предел его возможностей.

Всё произошло в канун праздника Дня объединения Румынии. После получения денежного довольствия и наградных сослуживцы пригласили

Янкеля составить компанию в «Опера ромынэ». После долгого перерыва там давался балет «Фавн и нимфа» в исполнении ведущей балерины Бэлэнеску. Он не считал себя балетоманом, но с радостью согласился, т. к. был наслышан об этом спектакле. Часа за полтора до представления вышел из части за сигаретами. Распечатывая «Dunhill» у табачного киоска, Янкель почувствовал на себе чей-то взгляд. Повернул голову и внутренне вздрогнул, на противоположной стороне улицы неторопливо прохаживалась его квартирная хозяйка, которой здесь быть никак не должно! Но явка не провалена, её голову укрывала обычная шаль. Тогда что стряслось?! О, Шамаим! (Небеса) Любитшка! Связная арестована! Он не спеша закурил, чуть склонил голову, давая знак, что понял.

Прошла напряжённая неделя ожидания. Не имея приказа самостоятельно оставить место службы, Янкель трудился всё в том же режиме. Территорию полка не покидал, а чрезвычайно важные документы при удобных случаях снимал «лейкой». Обнадеживало то, что попадая в чужие руки, при обычном проявлении его плёнка, обработанная особой несенсибилизированной эмульсией, незамедлительно засвечивалась. Вместе с тем Янкель чувствовал себя крайне вымотанным, его небольшой опыт давал знать. Ввиду

обширности информации, теперь требовалось в сжатые сроки визуально анализировать материал, прежде чем приступить к снимкам, а затем через хозяйку отправлять в Центр наиболее важное.

В марте 1931 года, когда официально закончился срок службы, Янкель получил предписание из Центра покинуть Бухарест и перебраться в Берлин. Но существовала некая трудность, которую не учли его руководители, это паспорта. Её не решишь в один день, ибо отправится в поездку под именем гражданина Румынии означало повести за собой след. Янкель однозначно решил для себя, его пребывание следовало непременно отрубить здесь же. Встреча на квартире с новым связником также ничего не решила, молодой мужчина лишь посоветовал постараться самому изыскать способ приобретения нового документа. Счастливый случай представился через два дня. К вечеру у табачного киоска образовалась небольшая очередь. Впереди стояла молодая пара. Из негромкого разговора он понял, что утром испанцы отбывают в Женеву. Дама открыла ридикюль, достала кошелёк и протянула мужу. Внутри, в окружении косметических принадлежностей, выглядывали кирпично-бурые корешки паспортов. Решать нужно было немедленно. Он заслонил корпусом дамскую сумочку, аккуратно подцепил двумя пальцами оба